

Сергей Ленин

СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ

Любимый Иркутск

Сергей Ленин

Светлая грусть.

Любимый Иркутск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27098342

ISBN 9785448590795

Аннотация

Иногда хочется забыть про все дела, заботы, проблемы и просто немного расслабившись, взгрустнуть светлой грустью. Этот сборник историй как раз для этого. Читай, сопереживай, грусти, становись опытнее и мудрее, чище и добрее. Жизнь прекрасна

Содержание

1. Случайная встреча в Иркутске на	7
2. Разная старость	11
3. Мама, мама, мамочка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлая грусть Любимый Иркутск

Сергей Ленин

Дизайнер обложки Ольга Решетникова

Фотограф Ольга Решетникова

Иллюстратор Ольга Решетникова

© Сергей Ленин, 2017

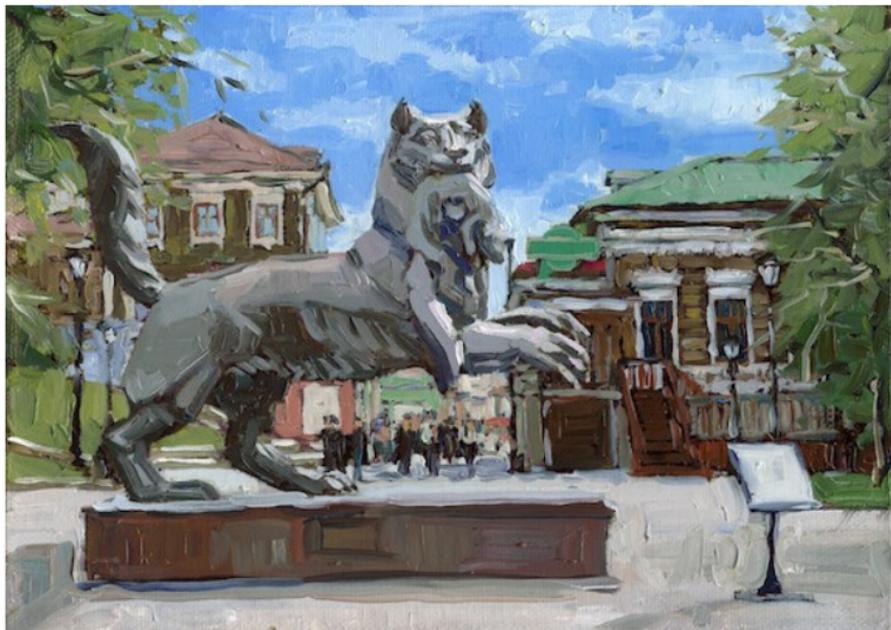
© Ольга Решетникова, дизайн обложки, 2017

© Ольга Решетникова, фотографии, 2017

© Ольга Решетникова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9079-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабр. Картина Алексея Яшкина

1. Случайная встреча в Иркутске на Центральном рынке

Сижу в своей машине возле иркутского Центрального рынка. Жду встречи в обозначенное время. Смотрю по сторонам. Приехал заблаговременно, вот и коротаю время за созерцанием местных достопримечательностей. Мой взгляд поймал мужчину не очень опрятного вида. Он зацепился за него, за взгляд, и подтянулся ко мне.

– Слышь, мужик, давай поговорим, – обращается он ко мне.

– Ну давай, если не шутишь, – отвечаю ему я.

– Понимаешь, братан, я только что откинулся. Пять лет у хозяина отбатрачил. Вона справка об освобождении, – и он протягивает мне свеженькую бумажку с синей печатью.

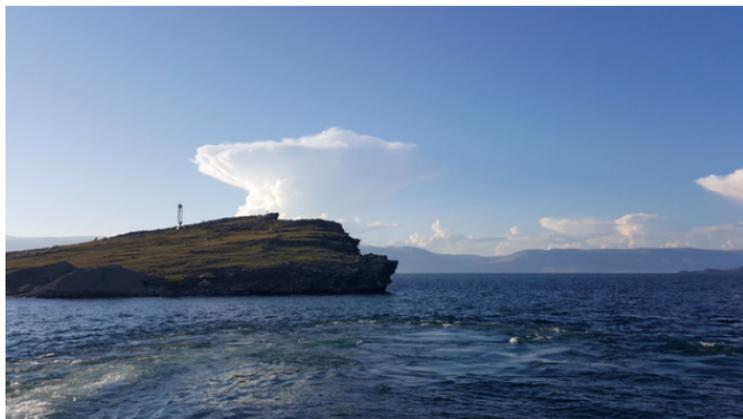
– А на хрена ты мне её кажешь? Я же не мент. Я и так тебе верю, – отодвигаю документ я.

– Я работу потерял, жрать было нечего. Вот я здесь на рынке кусок мяса слямзил. А мне ласты завернули – и на нары. Туберкулёз там подхватил, – сказал он и зашёлся в сухом кашле.

– А тут чё делаешь? Опять за мясом пришёл?

– Не, я взял бухнуть и к шмаре своей подамся. Она обе-

щала ждать меня, а сама с хмырём живёт. Я ей маклак отшибу, суке. Чтобы за базар отвечала.

Я набираю слово «маклак» на смартфоне. Интернет мне поясняет: это головка бедренной кости, мосол.

– Ты чё-то крутой сильно. Баб-то бить – это козлячье дело, по-моему, – упрекаю его я.

– А чё делать-то? Обидно мне, значит, – оправдывается мой собеседник. – К себе в Хомутово ехать, что ли? Там у меня от мамки осталось два гектара земли.

– Ну вот и поезжай. Картошку посадишь. Выкопаешь урожай. Самому пожрать будет чего. Самогонный аппарат купишь. Всю зиму помаленьку попивать можно. И баба у тебя, у буржуина, появится, – начал строить прогнозы я. – А иначе опять на нары, по стрёмной статье.

Мужик разулыбался и расчувствовался. В глазах наверну-

лись слезинки. Он достал из полиэтиленового пакета своё самое дорогое имущество – четыре бутылки тройного одеколона.

– Слышь, мужик, со мной ещё никто так не разговаривал и никто так обо мне не заботился. Давай с тобой выпьем. Я неделю пустые бутылки из-под пива собирал, потом их сдал, и вот теперь попить можно. Он протянул мне один фунфырик с заветной огненной водой.

– Бля буду, я бы выпил с тобой без всякого базара. Но за рулём я, понимаешь. Да и свою цистерну уже давно опустошил. Не обижайся на меня, мужик, – твёрдо и уважительно отвергаю я предложение, исходящее от всей души этого простого и незамысловатого человека. – А как зовут-то тебя, дружище?

– Вася я, мне двадцать шесть лет.

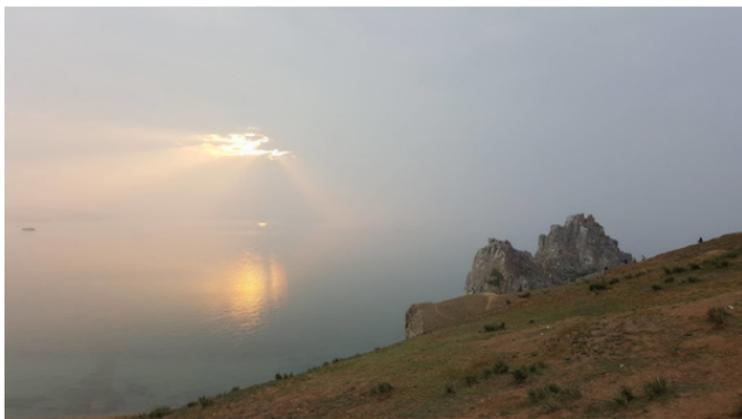
Я с тоской посмотрел на этого парня. Внешне он выглядел не менее чем на сорок пять лет. И я подумал: «А чем же этот русский мужик отличается от Анатолия Сердюкова, при котором спёрли у государства миллиарды рублей?»

Мне стало грустно. Настало время плановой встречи, и в мой серебристый джип подсел деловой партнёр. А Вася понуро пошагал в свою полную разочарований и печали жизнь.

Где ты теперь, мой случайный знакомый Василий?

2. Разная старость

– Съездил бы, Сергей, мусор вытащил из подъезда. А то Восьмое марта на носу. А в квартире бабы Нади (*это моя уже ушедшая мама*) ремонт и мешки с разными строительными отходами заполнили лестничную клетку. Перед людьми стыдно. Давай, давай, хоть польза от тебя какая-нибудь будет. А то сидишь и на ноутбуке клацаешь клавишами, бездельник ты мой, – строго говорит мне жена Лена.

И вправду, пользы от меня мало. Сажусь в свой джип. Он для перевозки мусора не очень подходит. Но строители всё аккуратно упаковали в мешки. Володя, который занимался ремонтом и вывозом отходов, был на отдыхе. Поэтому нуж-

но было перехватить инициативу и не доставлять неудобства соседям. Когда моя мама была жива, она не разрешала делать ремонт. Она мудро говорила:

– Когда я уйду, тогда и делайте что хотите. А меня всё устраивает. Эта старая обстановка мне привычна. Почти вся жизнь моя прошла здесь.

Мы и не беспокоили маму, только пластиковые окна поставили, да освежающий ремонт Лёха Зубарев, наш друг – строитель, сделал. Время безжалостно, и вот моей мамочки не стало.

Моя жена Лена по случаю пригласила бригаду ремонтников. Замечательные люди они, религиозные. К святой вере пришли через разные жизненные трудности и горести. Вера у них отличается от православной, они баптисты. Это протестантское движение зародилось ещё в XVI веке при расколе церкви. Разным догматам привержены разные церковные учения. Но доброта и порядочность – их общая и очень важная черта. Вот эти ребята: Володя, Андрей, Николай, Анастасия, Алёна – братья и сёстры, так они общаются между собой. Они-то и были ремонтниками квартиры, оставленной нам моей любимой мамой. Примечательно, что алкоголь, курение и другие вредные привычки они оставили в прошлом. А ещё был у нас в квартире плиточник Виктор, знакомый нам ранее по своей искусной работе.

Подъезжаю в лоно «железнодорожного двора» – двора моего детства, к дому №71, что по улице 5-й Армии. Мне дороге перегораживает бабушка, совсем как моя мама. Она жестикулирует тросточкой и что-то оживлённо говорит. Я припарковался и, выйдя из машины, спрашиваю эту пожилую женщину:

– Какие у вас проблемы, бабушка? Чего вы, как гаишник, регулируете движение во дворе?

Бабушка мне сердито улыбнулась и говорит:

– Это вы ко мне по вызову приехали? Я уже устала ждать. Сколько можно тянуть резину?

– Не, я не таксист, я приехал строительный мусор вывезти.

– А я старая железнодорожница – Соколова Людмила Николаевна, я помощником машиниста почти всю жизнь проработала. Муж мой тоже железнодорожником был. Вот у меня даже правительственная медаль есть – «Ветеран труда». –

И бабушка полезла в свою сумку.

– Спасибо, не надо, не показывайте, я верю вам. У моей мамы такая же медаль была. Давайте я вас свожу. Щас, только мусор закинем в багажник.

Андрей вытащил, а я погрузил мешки. Бабушка кое-как взгромоздилась на переднее сидение. Мы отчалили. По дороге я остановился у мусорки. Её жерло схавало мешки. И мы поехали в сберкассу.

– А дети-то у тебя, Людмила Николаевна, есть?

– Да, три дочки. Старшая только умерла, месяц назад. А две другие вот вчера ко мне приезжали, еду привозили.

– Ну, тебе, бабушка, повезло. Дочки у тебя заботливые.

– Ну, не скажи. В коттедж, который мы с мужем строили, меня не пускают. Вообще, душой меня считают. На хрен мне эта трёхкомнатная квартира? Лучше бы однокомнатную. У меня голубь жил. Я его на улице подобрала. Лапка у него перебитая была. Так мы жили с ним и не тужили. Я кормила его. А голубь летал по квартире из комнаты в комнату. Мне хорошо от этого было. А дочки, пока меня дома не было, выпустили его на улицу. Я им, мандовошкам своим, сказала, что всё равно его, голубя, найду, и мы снова будем жить вместе. А она пусть со своим кобелём живёт. Представляете, он сидит дома, нигде не работает. Срам божий, как такое может быть? Фу...

– Ты, бабуля, рамсы попутала. Дочка-то взрослая у тебя. Какого хрена ты в её личную жизнь лезешь? Она сама её

устанавливает с кем хочет, – одёргиваю бабушку я.

Людмила Николаевна сверкнула на меня глазами:

– А ты, мил человек, на хрен не лезь, не защищай её. Ишь, защитник выискался.

Я помолчал, потом решил проверить бабушку на предмет болезни Альцгеймера. На все мои вопросы она отвечала чётко. Память для её возраста, 81 год, была отменной и ясной. Значит, это – не заскок, а её жизненная позиция такая. Ничего не поделаешь, дочкам надо смириться и терпеть.

Я невольно вспомнил недавнее событие из жизни моей мамы.

– Серёжа, – говорит мне мама, – давай съездим к моей подруге детства Тамаре. Она лежит пластом. Детей у нее нет. Племянник, которому она завещала свою квартиру, о ней забывается. Но он больной и сам еле-еле ноги передвигает. Давай её попроведаем. Я какие-нибудь лакомства возьму и денежек ей маленько дам. Боюсь, что не успею и не свидимся уже. У меня уже все подружки поуходили.

Маме был 91 год.

Немудрено, природа так устроена, уходят старики. Уходят молча, и попрощаться у их сверстников не получается порой. То здоровье не позволяет, то транспортные проблемы и много чего ещё другого.

Приехали. У бабушки чистенько. Социальные службы предоставляют помощниц, плюс бабушка из пенсии доплачивает за уборку и другие домашние дела. Сама уже ходить не может. По нужде ходит под себя.

Как же ей тяжело, подумал я. Как непросто доживать свой век этой женщине, отдавшей свою молодость и здоровье Родине. Трудившейся без остатка до самых последних сил и в годы Великой Отечественной войны, и в героические будни пятилеток на строительстве коммунизма.

Как же она была счастлива повидать свою подругу детства – Надюшу, мою маму, с которой не виделась много-много лет. А я для неё был чем-то вроде божества, доставившего ей вселенское счастье общения. В её мир одиночества вместе с нами ворвался свежий ветерок воспоминаний. Воспоминаний о тех далёких временах, когда они были красивыми и озорными девчонками, кружившими головы своим одноклассникам. Как получали похоронки и оплакивали своих безусых пацанов, ушедших добровольцами на фронт. Как боролись за перевыполнение производственных планов родной и любимой партии (КПСС), как выросли, а потом старели... Помирать бабушка явно не собиралась. Несмотря на свою немощь, она строила планы по побелке потолков, каком-то ремонте. Но через неделю её телефон уже не отвечал.

Мама говорила: «Хорошо, что успели навестить Тamarу при жизни. На душе как-то спокойнее и легче».

А сама она, когда я собирал вещи для отправки на скорой помощи в больницу, напоминала мне: «Серёжа, сынок, не забудь положить косметичку и щипчики. Да, и халат этот красивый, в цветочек, который мне Лена невестка подарила, тоже положи в сумку».

Умирать она не хотела. Хоть и глаза у неё в этот раз были грустными и печальными. Как будто бы она прощалась с квартирой и с прожитой в ней жизнью... Было это в апреле 2016 года.

В сберкассе я помог Людмиле Николаевне доковылять до «амбразуры», где выдают деньги. Она ничего не боялась.

Она доверилась мне. С незнакомым человеком, получив две-сти тысяч рублей, бабушка села в машину.

– А на хрен тебе, бабушка, столько бабок? – спрашиваю я. – Ведь твои дочки тебе привозят жратву. Тебе и тратиться не на что.

– Много ты в жизни понимаешь. Найду куда потратить. Может, я их пропью или прогуляю, – игриво так пошутила бабуля.

– Дело твоё, конечно, но инстинкт самосохранения-то у тебя должен работать. Ты же могла напороться на придурка. Он дал бы тебе по башке и выкинул бы в кювет. А денежки забрал бы себе.

– Ага, шас, разбежался. Я бы их, денежки, в трусы бы спрятала. Чай, не полез бы, окаянный.

«Да, логика железная. Если бы не знал, вряд ли бы в трусы полез», – улыбаясь, подумал я.

Вот мы снова в «железнодорожном дворе», уже возле её дома.

– Бабуся, ты на дочерей-то своих баллон не кати. Хорошие они у тебя. Не хами им понапрасну. Доживайте в дружбе.

– Да пошёл ты. Учитель хренов. Лучше возьми денег за помощь мне.

– Ты чё, бабуля, с дуба рухнула? Кто за помощь пожилому человеку деньги берёт? Не обижай меня, пожалуйста.

– Как не берут-то. Ещё как берут. На прошлой неделе ко мне приезжал таксист. Я ему пять тыщ дала, чтобы он меня

несколько раз свозил в больницу там, туда-сюда. Он до больницы-то довёз и слинял, хвостом махнул. И сотовый телефон его недоступен стал.

– Ну, всякие люди-то бывают. Не мне тебе это рассказывать. Ты целую жизнь прожила, насмотрелась на разное, однако, – грустно говорю ей я. – Я по уважительному отношению к тебе, выходит, хороший. А два дня назад иду по тёмной улице ночью, три молодых мужика закурить просят. Я не курю. А они, мол, взрослый такой и не куришь. Дай тогда нам денег на курево да на водяру. Я, понятно дело, дал

по полной программе. Теперь для них я плохой. Сломанные челюсти и рёбра лечат.

– Ну, блин, денег тебе не надо, так пойдём выпьем. У меня коньяк хороший есть, – стала приглашать меня бабушка.

– Не, я спиртное не пью, я баб люблю, – шутливо парирую я приглашение Людмилы Николаевны.

– Во, блин, здрасте, мой муж тоже баб любил. Они сами за ним бегали. Он блядун в молодости был. Я сильно его ругала за это.

– Бабушка, а ты смерти не боишься? – спросил я Людмилу Николаевну, глядя ей в глаза.

Она, не задумываясь ни на мгновенье, выпалила:

– А чё её бояться-то, смерть эту? Ни капельки не боюсь. На хер мне жисть такая, прозябание, и только.

– Ну, ты, Сергей, завтра за мной приезжай, – бесцеремонно произносит бабушка, немного помолчав, после паузы.

– Не, я занят. Ты, когда вызываешь социальное такси, сиди возле телефона. Как подъедет, позвонит. Ты попросишь, чтобы он тебя препроводил к машине. Первый этаж, ты же сама сказала, недалеко получается. А так ты со своей тросточкой за машинами во дворе гоняешься. А телефон не отвечает, и заказ аннулируется.

– А, поняла, Сергей, спасибо. Счастливого тебе пути.

Я ехал и думал:

«Какая же разная старость выпадает людям. Интересно, а какая будет у меня?»

3. Мама, мама, мамочка

Анисья Никитична, мать Володи Сивакова, любила своего сына больше жизни. Она души в нём не чаяла. Рано осталась одна. Муж оставил её с малолетним сыном, а сам уехал куда-то. Вовка, когда подрос, допытывался у мамы про отца. Но Анисья отбрыкивалась. Говорила, что подрастёт, потом всё узнает. Типа, лётчиком был твой папа. Улетел на военное задание, да так и не вернулся. Сгинул, наверное. Только потом от бабки Володя узнал, что не было никакого лётчика. А батька его просто уехал искать своё счастье в другие края и о сыне позабыл совсем. Сначала взрослому Вовке очень хотелось найти своего отца, чтобы набить ему рожу, но потом как-то стерпелось, да поутихла злость. И желание искать отпало.

Анисья была ладной и красивой женщиной, работала на кондитерской фабрике рабочей. Её в шутку называли сладкой женщиной. Но жизнь-то была у неё не сладкой. Работала она иногда в две смены, чтобы сыночка своего вывести в люди. Чтобы он был не хуже других. Старалась баба изо всех сил, а о себе и не думала совсем. Годы шли, а она всё была одна. Не могла забыть своего непутёвого мужа Петра. Не подпускала к себе других мужиков.

Но однажды случилась и ей любовь. Приехал в Иркутск к ним на фабрику бравый солдатик Володя. Он на войне всю свою семью потерял. Мыкался по стране, не находя себе места. Жёну всё никак забыть не мог и двоих своих сыновей. Он и похоронить-то их не мог по-человечески. Фашистская бомба попала аккурат в их избу и разнесла всё в клочья. Потом вспыхнул пожар. Сгорело всё. Ничего не осталось. Ни от дома, ни следов от его любимых. Бомба-то зажигательной

была. Возил Володя с собой только пригоршню той землицы с пепелища. Бывает, иногда достанет платочек, положит на стол, развяжет его и сидит плачет над этой кучкой земли, перемешанной с пеплом, как над своей прошлой счастливой жизнью, как над могилой своих родных.

Не было ему душевного покоя, вот и скитался по стране. Работник он был хороший и вдобавок непьющий. Его везде принимали хорошо и отпускать не хотели. Мало таких ответственных и рукастых мужиков после войны было. Поубивало много да искалечило. Кого если не физически, то душу изранило да искрутило так, что пили они шибко. Водкой горе своё заливали. А Володя нет, он, чтобы забыться, уходил весь в работу. Трудился без праздников и выходных. За что и уважало его начальство.

Однажды встретились они с Анисьей взглядами только раз, да и громыхнуло в их сердцах. Любовь пришла неожиданно и негаданно. Стали они встречаться тайком. Мало ли чё люди болтать будут, парнишку, сына обидеть могут сплетнями всякими. Расцвела Анисья, да и Володя из смурного да грустного превратился в озорного и весёлого. Даже прихрамывать перестал. Осколок у него в ноге был от фашистской мины, которая взорвалась возле его танка. Ногу спасли, а осколок остался там навсегда.

– Анисья, выходи за меня замуж. Дом поставим отдельный. Начальство лесом помочь обещалось. Любить я тебя буду как самое своё дорогое сокровище. Не умею я слов кра-

сивых говорить, ты уж извини меня. Но я сыну твоему отцом буду не хуже любого родного, значит. На машине его научу ездить, чинить неисправности всякие. Оно, шофёрское дело, сейчас вроде как не очень престижное, больше всё о космосе говорить стали. Скоро, наверное, космонавта запустят в небесные дали. А мы на земле трудиться будем. Может, ещё ребёночка родим, мы ведь не сильно старые будем, однако, – нежно и твёрдо говорил Владимир, влюблённо глядя на свою подругу.

Потом он прижал всю дрожащую Анисью к своей груди. Он нежно поцеловал свою любимую женщину и стал смотреть ей в глаза, ожидая с огромным нетерпением её ответа.

Пауза была недолгой.

– Конечно, Володенька, я согласная. Я тебя всю жизнь ждала, такого сильного и доброго, такого крепкого и надёжного. Ты моё счастье, ты мой сокол ясный. Я без тебя уже жить не могу. Даже не представляю себе, что могла бы прожить и тебя не встретить.

Она стала целовать своего спасителя от затянувшегося одиночества. Слезы ручьём бежали из её глаз прямо на гимнастёрку Владимира. Она плакала и причитала от счастья, от простого бабьего счастья, внезапно выпавшего на её тяжёлую долю. Она была по-настоящему счастлива, так сильно, может быть, в первый раз в своей жизни.

Владимир купил в фабричном магазине конфет, выбирал из самых лучших. Потом на рынке они купили овощи. А для подрастающего сына Анисьи настоящий футбольный мяч в магазине «Спорттовары», что на улице Карла Маркса. И вот они уже в комнате Анисьи в их с сыном квартире. Обстановка торжественная. Потенциальные молодожёны улыбаются друг другу и переглядываются между собой.

Вовка смотрит на мать и незнакомого ему мужчину и ничего понять не может. Чему радуются взрослые, чего они задумали? Вовка в свои двенадцать лет был уже высокого роста. У него уже начал ломаться голос, он говорил, смешно баясь, подражая как бы взрослому мужчине.

– Мам, чё вы тут задумали такого? Праздника вроде никакого на календаре нет, – вертя и рассматривая новенький мяч, спросил Вовка.

– Сыночек, понимаешь, такое дело. Мы с Владимиром Ивановичем решили пожениться. Мы полюбили друг друга. Дядя Володя сказал, что будет любить тебя тоже. Мы будем жить все вместе дружно и счастливо, – мама осеклась, глядя на меняющегося в лице сына. Вовка зашипел, как гремучая

змея, злобно и визгливо выкрикивая обидные слова:

– Пусть он уходит. Я никому тебя не отдам. Нам никто не нужен.

И мальчишка со всей силы пнул новенький футбольный мяч. Тот, разбив оконное стекло, вылетел на улицу и поскакал на противоположную сторону дороги. Мяч не знал, что в тихой иркутской квартире разразилось огромное и ужасное по своему масштабу человеческое горе. Ему было невдомёк, что рушится, не успев сформироваться, вселенная Анисьиного счастья. Мячик подпрыгивал себе, а за ним устремилась стая бездомных собак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.